

ская демократическая сатира XVII века» В. П. Адрианова-Перетц по-новому ставит вопрос об авторе «Послания», считая, что оно написано не самим Фуниковым, а только от его лица.⁸

Наконец, краткие сведения о «Послании», главным образом о его литературных особенностях, Н. К. Гудзий включил в пятое издание своего вузовского учебника древней русской литературы.⁹

Небольшое по объему «Послание дворянина к дворянину», ярко отразившее крестьянскую войну начала XVII в., делится на две неравные части, резко отличающиеся одна от другой и материалом своего содержания, и особенностями стиля. Меньшая, вторая по порядку, часть в самых общих чертах, обычным для того времени традиционным книжным стилем рисует то положение, в котором оказалась Русская земля в начальные годы XVII в.: раньше она была «блага и населенна», теперь же опустошена и напоена кровью, пролитой обильно, подобно дождю; вместо пшеницы на ней выросли тернии; церковь божия — как поруганная вдова, красота которой уничтожена иноплемениками и «нашими, восставшими на нас»; «грады разорены и пожжены»; население гибнет от голода и подвергается насилиям, и даже сам «царствующий град», т. е. Москва, испытывает бедствия. И все это происходит по воле божьей: «богу тако изволю». Если в Вифлееме «токмо едины младенцы убиваемы бываху», то теперь здесь «всяк возраст не пощаден бысть»; вот почему «превосходит бо плач наш паче вифлеомскаго плача». Эта заключительная часть «Послания» и по общему тону, и по оценке событий, и по приподнятому книжному стилю совпадает с теми историческими произведениями начала XVII в., которые вышли из консервативных кругов и с их точки зрения освещали изображаемые события (вроде «Иного сказания»).

Совсем другой характер носит первая часть «Послания», где автор — лицо вполне реальное, тульский помещик-дворянин Иванец Фуников¹⁰ — рассказывает своему адресату, что ему пришлось вытерпеть от восставших крестьян, «тульских воров», как он их называет. Таким образом, перед нами едва ли не единственный случай в исторической повествовательной литературе начала XVII в., когда автор рассказывает не о событиях вообще, хотя бы как их участник или очевидец, а именно о себе самом, о том, что ему самому пришлось пережить в это бурное время. Правда, В. П. Адрианова-Перетц в своей книге «Русская демократическая сатира XVII века» оспаривает авторство Фуникова, которое раньше¹¹ не вызывало у нее сомнений. Приведя строки «Послания»: «за старые шашни хотели скинуть с башни» (восставшие крестьяне — его, своего помещика), она говорит: «В „послании дворянина“ нет антифеодальной тенденции, но назвать „старыми шашнями“ поведение помещика мог лишь тот, кто, даже явно не сочувствуя восстанию крестьян, считал заслуженной расправу их с помещиком. Вряд ли сам Фуников допустил бы в письме такое самообвинение; „послание“ сложено

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (сер. «Литературные памятники»), стр. 236—239.

⁹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 5. М., 1953, стр. 348—349. То же повторено в 6-м издании (М., 1956, стр. 363—364).

¹⁰ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1949, стр. 518—519: в писцово-войсковой книге г. Тулы и Тульского уезда 1587—1589 гг. имеется описание поместья Ивана Фуникова; в момент составления писцовой книги он был еще молод, в период восстания Болотникова уже стар; в «Послании» говорится, что ему «не мало лет» и что он «сед».

¹¹ В указанной выше статье в ТОДРА (т. IX, стр. 74—76).